

UDC 94(32):299.31

THE “HOUSE OF LIFE” AND THE SACRAL TRADITION OF ANCIENT EGYPT

N. Lavrentyeva

PhD (Art History)

Head of Department

“Ivan Tsvetaev Educational Arts Museum”

Pushkin State Museum of Fine Arts

15, Chayanova Str., Moscow, Russia, 125047

nika27-mertry@yandex.ru

The article discusses the meaning of the “House of Life” in Ancient Egypt that was the institution for sacral knowledge preservation, which supported and developed certain cultural tradition. Despite the fact that references to it have been encountered since the First Dynasty, all the evidences are fragmentary and don’t give an opportunity to make a complete picture of its functions and architectural forms. Only the papyrus Salt 825 contains information about its staff and layout, as well as a vignette that demonstrates its structure. The scope of the institution’s activity was quite diverse. The texts connect it with medicine, some incenses and ointments were made there that could be used both for embalming and as medication. However, ailments could be not only of physical nature, against some diseases only magic could help. The creation of magical literature was one of the directions of its activity. Its servants took part in one of the most hidden rituals – *heb-sed*. The art of interpreting dreams and astronomical studies and predictions were also a part of the “House of Life” personnel duties. No less important kind of professional activity of the “House of Life” as a theological institute was the work of compiling and editing religious texts (hymns, “annals of the gods”), including texts relating to the funeral literature. Despite the active involvement of the “House of Life” scribes in the activities of the state administration, the “House of Life” itself was kept away from political everyday life; it protects the cultural foundations on which Egypt stands. Perhaps, it can be explained by the closeness of the “House of Life”. Everything that we learn about its activity from ancient Egyptian sources occurs outside of it, but inside it remains “intimate”, as described in the papyrus Salt 825. This is due to its function for the protection of cultural memory,

and the danger of going beyond its limits, the forces lurking in its magical books.

Keywords: Ancient Egypt, sacral tradition, mytho-theology, “House of Life”

Н. В. Лаврентьева

“ДОМ ЖИЗНИ” И САКРАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Чем далее продвигаются исследования древнеегипетского искусства, тем более насыщенным многоуровневыми смыслами, которые ему были сообщены религией и магией, оно нам представляется. Однако с формальной точки зрения оно зачастую продолжает видеться нам как совокупность простых и ясных форм, которыми оперировали египетские художники на протяжении тысячелетий. Очевидно, что каждый отдельно взятый памятник с присущим только ему художественным решением воплощаемой им идеи, будучи совершенно самостоятельным произведением, занимал строго определенное место в иерархии предметного мира древних египтян. Приемы, избираемые архитектором, скульптором или живописцем, были продиктованы традицией, но сочетание приемов и устойчивых иконографических форм художник, по-видимому, мог выбирать сам и варьировать в зависимости от своего умения и таланта. Где проходит граница между традиционной формулой и художественным творчеством, как они сосуществовали и что или кто осуществлял регулирование этой взаимосвязи? Этот вопрос стоит в самом центре целого комплекса проблем, связанных с пониманием механизма функционирования египетского искусства и трансляции художественной традиции на протяжении многих поколений древнеегипетских мастеров.

Важность “канона” в построении форм в древнеегипетском искусстве несомненна. Использование специалистами этого греческого термина применительно к древнеегипетскому искусству отражало очевидное положение дел и, на первый взгляд, удачно решало множество практических и методологических проблем. Однако взгляд на египетское искусство через призму канона не разрешает проблемы вызревания изменений в искусстве и трансформации традиций. В советской историографии была предложена идеологическая основа, трактующая постепенное изменение

традиционных начал, – это неуклонное нарастание реалистических тенденций¹. Западной наукой была избрана линейная формула для объяснения этих процессов – во главу угла ставились исторические условия и не менее выраженное значение идеологии царской власти². Однако сам механизм этого явления (сохранность – изменяемость) и система связанных с ним конкретных действий для нас до сих пор остаются малопонятными. История древнеегипетского искусства предстает перед нами как хронологический список памятников и повлиявших на их создание исторических событий. Но в этой фактологической системе все сильнее становится ощутим пробел в понимании тех, бесспорно, существовавших, но не видимых на первый взгляд, скрытых течений, которые и составляют мировоззренческие основы и религиозные устои, во все времена оказывавшие наибольшее влияние на формирование стиля эпохи и его соотношения с этическими и эстетическими константами древнеегипетской культуры. При изучении мировоззренческих основ египетского общества мы неизбежно задаемся вопросом о том, какие общественные институты служили мерилom и законодателем, а также охранителем культурной и художественной традиции. Чаще всего на эту роль претендует институт царской власти, которая сама по себе является лишь частью сложного механизма регулирования жизни традиции. Для регулирования этой системы необходим был институт, стоящий за пределами политической истории, центральной фигурой которой являлся фараон. То есть это институт египетского общества, члены которого могли позволить себе смотреть на происходящие процессы отстраненно, с высоты абсолютного знания, не являясь двигателями сюжета истории.

На роль такого важнейшего института-хранителя сакральных знаний, поддерживавшего и развивавшего эту традицию, по праву может претендовать так называемый “Дом жизни” (*pr-ḥtj*). Исследованию этого учреждения не уделялось внимания, соразмерного его значимости для понимания целого ряда важных проблем египтологии. Почти полностью весь материал, касающийся

¹ Об эволюции искусства к реалистическому отображению объекта см.: [Матье 1961].

² См., например: [Aldred 1952].

этой проблемы, впервые собрал и обработал А. Гардинер³. Дополнили этот материал Г. Познер⁴ и А. Вольтен⁵, касался этой темы и Ж. Вергот⁶. Изложению их позиций и некоторых соображений на этот счет посвящена глава книги “Писцы Древнего Египта” М. А. Коростовцева⁷. Всех исследователей интересовали функции этого учреждения, его социальная роль, но почти не затрагивались проблемы, связанные с его ролью в сохранении и разработке художественной мифологии.

Самое раннее известное упоминание “Дома жизни” относится к I династии и происходит из абидосской гробницы царя Ита (Хор Уаджи)⁸. В эпоху Древнего царства он упоминается в текстах времен Пепи II, фараона VI династии (Urk. I, 286, 10, 289, 8)⁹. Надо отметить, что первый корпус дошедших до нас сакральных текстов (“Тексты пирамид”, с конца V дин.) носит явные следы редакции, то есть они стали итогом огромной работы теологов еще более раннего времени. В эпоху Среднего царства впервые зафиксирован титул¹⁰ “писец Дома жизни” (Каир, Египетский музей, стела № 20023)¹¹. Чем дальше, тем больше встречается упоминаний, максимальное число которых приходится на

---

³ Наиболее полно все собранные материалы изложены в статье А. Гардинера: [Gardiner 1938].

⁴ Дополнительные свидетельства источников приводятся в работе Ж. Познера: [Posener 1955].

⁵ Дополнительные свидетельства источников приводятся в работе А. Вольтена: [Volten 1942, 17–80].

⁶ См.: [Vergote 1959, 74–80].

⁷ М. А. Коростовцев приводит различные соображения по этому поводу своих предшественников в своей книге “Писцы Древнего Египта” [Коростовцев 1962].

⁸ Наиболее раннее упоминание “Дома жизни” происходит из Абидоса [Kaplony 1963–1964, 82–83, *Abb.* 85].

⁹ Декреты о привилегиях, даруемых жречеству храма бога Мина в Коптосе [Gardiner 1938, 160 (*№ 2*)].

¹⁰ Титул “писец Дома жизни” (*sš n pr-ḥḥ*) станет одним из наиболее распространенных титулов, связанных с персоналом “Дома жизни”.

¹¹ Стела врача Амени, перед которым стоит “писец Дома жизни” Кеку (из Абидоса; Каир, Египетский музей, № 20023) [Gardiner 1938, 160 (*№ 6*)]. К эпохе Среднего царства относится также несколько упоминаний “Дома жизни” – см.: [Gardiner 1938, 160 (*№ 3–7*)].

Греко-римское время. Но, к сожалению, все источники очень скупо говорят об устройстве и функционировании этого учреждения.

Источник, дающий основную долю информации о “Доме жизни”, – магический папирус из коллекции Солт 825 (Лондон, Британский музей, инв. № VM EA 10051) [Derchain 1964], датирующийся его издателем Б. А. Тураевым временем “не ранее позднесаисской и даже птолемеевской эпохи”¹². В нем, по-видимому, рассказывается, как устроен “Дом жизни”. Этот папирус снабжен иллюстрациями, среди которых и его “план” – изображение абидосского “Дома жизни” [Тураев 1917, *Ил. III*] (Рис. 1).

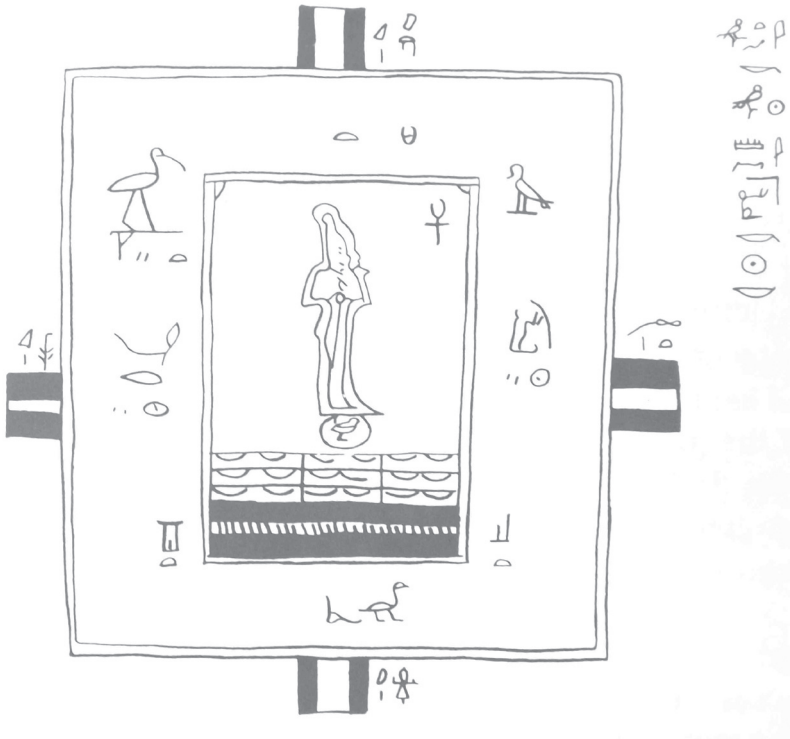

Рис. 1. Изображение “Дома жизни” в папирусе Солт 825
(по [Nordh 1996, III])

¹² См.: [Тураев 1917].

Памятник является редким свидетельством, по сути – описанием сокрытого сакрального учреждения:

«Что касается “Дома жизни” – он находится в Абидосе. Он построен из четырех частей (“тел”). А его внутренняя часть сплетена из тростника. Что же до четырех (внутренних) стен и знака жизни, тот, кто со знаком жизни, – это Осирис, а четыре стены – это Исида, Нефтис, Хор и Тот. Исида на одной стороне, Нефтис – на другой, Хор – на одной, Тот – на другой. Это четыре угла. Геб – пол, Нут – потолок. Это Бог Великий сокровенный покоится внутри него¹³. Четыре внешних части представляют собой порталы из камня, а сам он (“Дом жизни”) построен в виде двух Идерти¹⁴, низ его – песок. Все, что видно снаружи, – только четыре выхода-портала: один обращен на юг, другой – на север, третий – на запад, четвертый – на восток. “Дом жизни” сокровен-сокровен очень-очень. Он невидим и неведом. Только Солнце видит тайны его. Люди, которые входят в него, – это книжники Ра, писцы “Дома жизни”. Люди, которые внутри него, – “лысые” бога Шу. Страж его – Хор, пронзающий врагов отца своего Осириса. Писец книги бога – это Тот. Ему принадлежат молитвы его перед Ра каждый день. Невидим он, неслышим он, здравы уста его, сокрыт он телом и именами. Далек он от внезапного нападения. Не вступят в “Дом жизни” азиаты, не увидит его тот, которому говорят: “отдались очень-очень”. Что до книг, которые в нем, – это души Ра, чтобы дать жизнь богу этому, который внутри, и сокрушить врагов его. Что до книжников “Дома жизни” – это те, что внутри него, спутники бога Ра и защитники души его Осириса»¹⁵.

Организация пространства “Дома жизни”, описанная в папирусе Солт 825 (VI. 5–10, VII. 1–7), выполнена в виде замкнутого куба и является идеальной моделью архитектурного сооружения, отражающего древнеегипетский образ мира, в смысловом центре

---

¹³ Здесь кончается глосса, поясняющая внутреннее устройство “Дома жизни”.

¹⁴ Б. А. Тураев объясняет термин *idr.tj* как “два архаических святилища обеих половин Египта, перенесенные на небо” [Тураев 1917, 7, прим. I].

¹⁵ Цит. по [Тураев 1916, 5–7], а также см.: [Тураев 1917, 6–7 (VI, 6–10; VII, 1–7), ил. III]. *Перевод автора.*

которого находится Великий Бог. “Дом жизни” представляет собой модель мира до того, как Бог удалился из него и в мир пришла смерть¹⁶, то есть египетскую вселенную до ее распада на мир живых и мир мертвых. Архитектура описанного строения указывает на необходимость скрыть от глаз непосвященных происходившую в нем деятельность, которая оберегается божественными силами, как это ясно из глоссы, отсылающей читателя к определенным мифологическим событиям, в которых фигурировали упомянутые божества¹⁷. Снаружи видны только стены и четыре портала, сам же “Дом жизни” находится внутри этих стен и сплетен из тростника по образу древнеегипетского архаического святилища, которое имеет двойную структуру. То, что так оберегается внутри этого здания, воплощается в образе Осириса¹⁸, пребывающего в своем святилище, или “кари”, как называли его сами египтяне. Этот двойной наос позволяет также предполагать, что это место связывается с воскресением Осириса¹⁹. Из этого следует, что все происходящее внутри “Дома жизни” направлено на воскресение этого божества, с одной стороны, и одновременно исходит от его божественной сущности, делая возможным непрерывное течение жизни и давая надежду на воскресение всем тем, кто входит в соприкосновение с его божественной силой, проявляющейся, в частности, через священные книги, находящиеся в “Доме жизни”.

¹⁶ Или, поскольку речь здесь идет об Осирисе как центральном персонаже, внимание сфокусировано на его воскресении, поборовшем смерть. Так как нам неизвестно, был ли Осирис в центре каждого “Дома жизни” (или так было только в Абидосе) и не был ли это местный верховный бог со своей Эннеадой или божественным семейством, нам лишь остается говорить об отражении представлений о мирозидании и поддержании жизни. Например, владыкой “Дома жизни” в храме в Эт-Тоде (эпоха Птолемеев и Римское время) назван бог Хнум (*nb pr-nḥ hrj-ib Twny*). См.: [Gardiner 1938, 178].

¹⁷ Например, Хор как защитник своего отца Осириса или Тот как написавший священные книги.

¹⁸ Внутри “Дома жизни” находится священное знание, воплощенное в образе Осириса. Ср.: [Gardiner 1938, 178].

¹⁹ Наличие двойного наоса позволяет также рассматривать происходящее внутри него как воссоединение Великого Бога, что описывается как божественный *хеб-сед*, что возвращает ему молодость и жизненные силы.

Как уже упоминалось, чем более поздним временем датируются памятники, тем чаще в источниках встречаются упоминания о “Доме жизни”. Это связано не столько с нарастанием объема дошедших до нас письменных свидетельств и археологических материалов по мере приближения к Поздней эпохе развития древнеегипетской цивилизации²⁰. Увеличение числа упоминаний “Дома жизни” по мере приближения к эре христианства может связываться с растущей тенденцией расхождения религиозных и собственно светских начал [Gardiner 1938, 175]²¹ и постепенной профанизацией священного знания, оберегаемого в “Доме жизни”. Запись об устройстве “Дома жизни” (папирус Солт 825) просто не могла появиться ранее, чем в этом возникла острая необходимость, то есть в Позднюю эпоху, к которой относятся свидетельства о разрушении и последующем восстановлении “Домов жизни”. Появление подобного текста вполне может говорить о том, что эта святыня могла подвергаться опасности быть низвергнутой, поэтому память о ней было чрезвычайно важно сохранить. На статуе Пептуанейта (Париж, Лувр, инв. № А 93) XXVI династии в его автобиографической надписи указывается, что среди прочих деяний он восстановил “Дом жизни”²². На наофорной статуе врача фараона Уджахорресента (Ватикан, Музеи Ватикана, инв. № 158)²³ описано, как по повелению Дария I он восстановил службы “Дома жизни”. Он “снабдил их (персонал) умением всяческим и всяческими принадлежностями в соответствии с тем, что записано и что было ранее”. То есть, действительно, события политической жизни не раз ставили под сомнение саму возможность существования и функционирования “Дома жизни”, но подобно Осирису, погибнув, он воскресал.

Сохранились свидетельства того, что “Дом жизни” был не один. Эти учреждения находились в больших городах – крупных

---

²⁰ Норд отмечает увеличение количества свидетельств о “Доме жизни” по мере приближения к Поздней эпохе [Nordh 1996, 109].

²¹ А. Гардинер также отмечает, что большинство из этих упоминаний относятся к описанию особого типа иероглифического письма (№ 41) – “письма Дома жизни” (*sš pr ꜥnh*), так называемой линейной иероглифики, – см.: [Чегодаев 2007].

²² См.: [Gardiner 1938, 165 (№ 27)].

²³ Уджахореснейт также восстановил работу “Дома жизни” при персидском владычестве [Gardiner 1938, 157–159 (№ 1)].

культурных и религиозных центрах. “Дома жизни” были в Абидосе, Эдфу, Ахмиме, Саисе, Гермополе, по-видимому, в Мемфисе и Фивах. В Амарне были обнаружены развалины “Дома жизни”, построенного из кирпичей, на которых был поставлен его штамп²⁴. Внутри были найдены записанные на остраконах списки царских писцов. Амарнский “Дом жизни” представлял собой комплекс из двух небольших зданий, в одном из которых было 6 комнат, окруженных коридором, в другой, очень маленькой постройке был найден фрагмент заупокойного папируса (ныне хранится в Оксфорде, в Ашмолеанском музее). Эти данные подтверждают предположения, что внутри этого учреждения писцы занимались созданием заупокойных свитков. Не менее важно и то, что это учреждение находилось вне храма²⁵ и не было напрямую связано с выполнением ритуальных действий в храме, хотя персонал его также включал жрецов, проводящих внутри него какие-то специфические ритуалы.

Персонал “Дома жизни” формировался из жрецов, “пребывающих там”: “лысого” (*fktj*) (Шу), “стражника” (Хор), “писца божьей книги” (Тот), “читающего ритуал ежедневно благоприсягающими устами, будучи невидим и неслышим”²⁶. В “Доме жизни” имели доступ и “вхожие” – книжники²⁷ бога Ра, писцы “Дома жизни”.

Круг деятельности этого учреждения был достаточно разнообразен. Тексты связывают его с медициной – “чтобы дать жизнь больным”, там же изготавливались некоторые благовоения и умащения (папирус Булак VII = Каир, Египетский музей,

²⁴ Строительным материалом для “Дома жизни” был кирпич, что свидетельствует о том, что это строение, по-видимому, не воспринималось как храм, при строительстве которых египтяне предпочитали камень кирпичу [Gardiner 1938, 160–161 (№ 8)].

²⁵ В описании праздника в храме в Эдфу, посвященного богу Хору, также указывается на разделение между храмом и “Домом жизни”. См.: [Gardiner 1938, 174 (№ 50)]. *Contra* см.: [Nordh 1996, 109–110].

²⁶ Что свидетельствует о постоянно находящемся внутри персонале [Тураев 1916, 7 (VII. 4–5)].

²⁷ В Канопском декрете термин “книжники” заменен на “мудрецы” (*rḥw-ht* – “знающие вещи”), в демотической части они названы “писцы Дома жизни” (*n3 sš.w pr-ḥnh*), а в греческой – “иерограмматами” (ἱερογραμματοῖς), а “Дом жизни” – ἱεροζ.

инв. № 58027)²⁸, которые могли использоваться и для бальзамирования, и в качестве лекарств (упоминания в текстах статуи Уджакхорресента, стелы Бентреш). Но недуги могли быть не чисто физического свойства, против некоторых болезней помогала только магия. Создание магической литературы было одним из направлений его деятельности. Его служители принимали участие в одном из наиболее сокрытых ритуалов – *хеб-седе*. Среди изображения в Бубастисе процессии жрецов “друзей и мастеров магии” присутствует и “отряд” “Дома жизни”²⁹. Искусство толкования снов и астрономические штудии и предсказания (“жрец-*wʿb*, предсказывающий события, заместитель в “Доме жизни” Мери времени Рамсеса II)³⁰ также входили в сферу деятельности персонала “Дома жизни”.

Не менее важным родом профессиональной деятельности “Дома жизни” как теологического института была работа по составлению и редакции религиозных текстов (гимны, “анналы богов”), и в том числе текстов, относящихся к заупокойной литературе. В Канопском декрете (Каир, Египетский музей, № 5400) зафиксирован случай с написанием гимна в честь покойной царицы Береники: «гимны (для ритуального оплакивания), написанные персоналом “Дома жизни” и врученные начальнику обучения пению; записано подобное в книге “Дома жизни”»³¹. Ведение “анналов” также входило в сферу деятельности “Дома жизни”: в текстах не раз упоминаются “анналы бога”³², которые могли создаваться писцами, связанными с этим учреждением, и храниться в храмовых библиотеках³³. Однако самой массовой

---

²⁸ Папирус Булак VII упоминает об изготовлении медицинских средств [Gardiner 1938, 178].

²⁹ Изображение празднования *хеб-седа* фараона Осоркона II в Бубастисе [Gardiner 1938, 165 (№ 26)].

³⁰ Жрец-*уаб* мог заниматься предсказаниями [Posener 1955, 70].

³¹ Об обучении пению в “Доме жизни” [Gardiner 1938, 172 (№ 39)].

³² О составлении анналов в “Доме жизни” [Gardiner 1938, 161 (№№ 9, 10)].

³³ Интеллектуальная связь “Дома жизни” с храмом проявлялась, по видимому, прежде всего в том, что вся документация, связанная с храмом, хранилась в храмовых библиотеках, куда и обращались писцы “Дома жизни”. Несмотря на то что в качестве неотъемлемого “инвентаря” “Дома жизни” указываются священные книги, просто в силу своих

продукцией, связанной с деятельностью “Дома жизни”, были, конечно, свитки заупокойных книг.

А. Вольтен доказал, что “Тексты пирамид”, “Тексты саркофагов” и “Книга мертвых” были продукцией “Дома жизни”³⁴. Вместе с накоплением информации из различных центров, ее трактовкой, редакцией и новыми толкованиями, а также эволюцией внутри самих “книг” неизбежно было возникновение новых типов “книг”, что требовало постоянной взаимосвязи между разными “Домами жизни”. К сожалению, пока нам ничего не известно о взаимоотношениях между разными “Домами жизни”, но они, безусловно, были. В пользу этого говорят сами заупокойные книги (начиная с “Текстов пирамид”, а также “Тексты саркофагов”, “Книга мертвых” и все “Книги иного мира” Нового царства), чей гетерогенный характер свидетельствует о проведении колоссальной работы по сведению различных локальных традиций в одно неразрывное целое. Ярким примером служит “Книга двух путей”³⁵, явившаяся продуктом деятельности мудрецов гермопольского “Дома жизни”, где местная традиция, основанная на почитании лунного бога Тота, настолько мастерски переплетена с осирической традицией и солнечной доктриной, что попытка их механического разделения неизбежно приводит к смысловому распаду этого сложного по структуре и исполненному внутреннему теологического дискурса произведения заупокойной литературы Среднего царства.

“Дом жизни” был и скрипторием, где хранились, создавались и толковались (отсюда появление глосс в заупокойных текстах)

незначительных размеров он не мог быть большим книгохранилищем. Кроме того, писцы, очевидно, выполняли различные храмовые заказы, в том числе и по обновлению и уточнению росписи ежедневного храмового ритуала, а также работы по обновлению декора, что требовало обращения к материалам храмовых архивов. Такие храмовые библиотеки существовали, например, в Рамессеуме и в храме Хора в Эдфу [Gardiner 1938, 174 (№ 51)].

³⁴ Основные сборники заупокойных текстов – продукция “Дома жизни” [Volten 1942, 33–37]. Ср.: [Gardiner 1938, 178].

³⁵ Примером работы по редактуре и сведению различных традиций и текстов в единый текст может служить “Книга двух путей” [Lesko 1972].

эти тексты, которыми снабжались соответствующие специалисты; выполнял он, по-видимому, и роль разработчика и хранителя лицевых иконографических сводов для художественных работ. Там, где производились работы с иероглифическими текстами, их иллюстративная сторона не могла быть обойдена вниманием. Поскольку, начиная с эпохи Нового царства, папирусы, относящиеся к произведениям заупокойной литературы, имели иллюстрации, местом их формирования мог быть только “Дом жизни”. Были ли эти “лицевые своды” иллюстрированными или в них только намечались варианты рекомендованных сцен – доподлинно неизвестно. Вполне возможно также, что варианты иллюстрации хранились на отдельных папирусах и на их основе мастера, составлявшие экземпляр, например, “Книги мертвых”, выбирали, какие иллюстрации будут присутствовать в папирусе. Однако мастера, очевидно, прекрасно понимали взаимосвязь между набором изображений и изречений, необходимых, чтобы сформировать законченный список заупокойной книги.

Представители персонала “Дома жизни”, вероятно, курировали и различные другие художественные работы сакрального характера³⁶.

Писцы “Дома жизни”, по-видимому, были самыми знающими (“нет ничего, о чем бы тебя не спросили, на что бы ты не смог ответить”)³⁷, поэтому в их обязанности могло входить руководство работами по строительству и оформлению храмов и царских гробниц, составление текстов заупокойных стел. В папирусе Риланд IX Петеисе I (время правления Псамтиха I), чтобы увековечить свои деяния в пользу города Теуджой, призывает каменотесов и художников, а также писцов “Дома жизни”, которые руководили проведением работы³⁸. Последовательность работ, например, по возведению храмов и гробниц, по-видимому, строилась следующим образом. Писцам “Дома жизни” принадлежали

---

³⁶ Например, из графито с острова Сехель эпохи Нового царства следует, что Рамсеснахт был “писцом священной книги” в “Доме жизни” и “начальником работ в храме Амона на западе Фив”. См.: [Gardiner 1938, 163 (№ 17)].

³⁷ Папирус Rylands IX (14, 21) персидского времени [Gardiner 1938, 166 (№ 29)].

³⁸ См.: [Gardiner 1938, 165–166 (№ 28)].

проекты строительства этих наиболее священных сооружений. Именно на этом этапе в сотрудничестве с мастерами разрабатывалась общая идея для художественного воплощения памятника. Тогда же происходил сбор материалов, описывавших решения сходных художественных и идеологических задач в прошлом, шел поиск произведений, могущих послужить прообразами для создаваемого памятника. Писцы “Дома жизни” составляли списки текстов и регулировали их взаимное расположение. Их рукой правились тексты и изображения, начертанные на стенах царских гробниц и святилищ, прежде чем их тронет рука резчика, и вслед за ним они проверяли правильность выполнения работы. Однако исполнителями работ также нельзя считать лишь только простых ремесленников³⁹. На стене храма в Эдфу сказано, что его декор выполнен “великими мастерами” “Дома жизни” (*hmwt wr.w nw pr-^cnh*)⁴⁰. С. Сонерон в своей работе, посвященной древнеегипетскому жречеству⁴¹, утверждает, что в каждом “Доме жизни” был свой штат художников и резчиков по камню, которые покрывали стены храмов надписями и рельефами, а затем раскрашивали иероглифы и изображения. Они же занимались реставрацией поврежденных изображений и текстов на стенах храмов.

Для древнеегипетского искусства характерна одна парадоксальная черта, на которую необходимо обратить пристальное внимание, – разнообразие того, что мы могли бы назвать “тиражными” памятниками. Нам не встретится ни одной одинаковой пары списков ни “Книги мертвых”, ни “Ам-Дуата”, ни двух одинаковых по оформлению саркофагов и тем более гробниц даже в таком заранее распланированном некрополе, как Гиза времен Хеопса. Памятники буквально нарочито отличны друг от друга, оставаясь при этом в русле традиции и особенностей искусства своей эпохи (если это не отдельные случаи намеренной архаизации). То есть каждая эпоха прекрасно знает, каков ее стиль, и для исследователей это тоже уже давно не загадка. Сложнее разобратся с ситуацией взаимоотношения стилей внутри эпох. Мы

³⁹ Последовательность разработки художественного решения декора гробниц и его воплощения: [Матье 1947, 15].

⁴⁰ Свидетельство их храма в Эдфу: [Gardiner 1938, 178].

⁴¹ См.: [Sauneron 1957, 134].

можем выделить столичное и локальные стилистические направления, но и на более глубинном уровне нас ждет немало сюрпризов. Даже когда памятники близки по контексту, разница может быть очень велика. Работая с папирусным материалом, мне стало очевидно, что стилистический анализ необходим, но не всегда дает желаемый результат. Во-первых, мы уже никогда не сможем оперировать всем материалом, во-вторых, даже скромная задача поиска аналогий в наиболее устоявшихся иератических композициях не всегда увенчивается успехом, несмотря на достаточно обширный дошедший материал. Само разнообразие списков поневоле наводит на мысль, что их различия неслучайны. Что изготовители заупокойных папирусов намеренно стремились индивидуализировать каждый список, сделать его непохожим на другие. Что они свободно владели материалом и были вольны вносить в него некоторые изменения. И это в условиях, как мы привыкли думать, жестко установившегося канона. Такое искусное варьирование деталей, манипуляция различными мотивами, лавирование между фрагментами сложнейших по смыслу и необычных с точки зрения повседневного языка того времени текстов делает писцов-рисовальщиков, создававших эти свитки, не просто ремесленниками, копирующими имеющиеся в их распоряжении списки. Они превращаются в наших глазах в мастеров-профессионалов, не только с прекрасно поставленной рукой, но и отменной выучкой, дающей возможность интерпретировать и варьировать священные тексты. За всем этим не мог не стоять важный, с прекрасно отлаженной системой работы институт, который давал им эти умения и делегировал их настолько серьезными полномочиями, – такой институт, каким был “Дом жизни”.

Как уже говорилось выше, для подобных работ необходимо было воспитать профессионалов высокого класса, которыми и являлись писцы “Дома жизни”, происходившие, как правило, из богатых и жреческих семей. В тексте на скарабее № 36065 Каирского музея, найденном в Абидосе, содержится должностной титул “учитель Дома жизни” (*sb3w n pr-ḥnh*). Это свидетельствует о наличии преподавания в “Доме жизни”. Поучение писца Аменнахта своему ученику Хормину (остракон Британского музея, № BM EA 41541) гласит: “Будь писцом и, посещая “Дом жизни”,

стань мудрецом, подобным сундуку с книгами”⁴². То есть писец, прошедший обучение в “Доме жизни”, повышал свою квалификацию и мог получить работу определенного профиля, связанную с переписыванием, а возможно, и с редактированием и составлением сакральных текстов. Когда мы говорим о “Доме жизни”, мы подразумеваем прежде всего людей, достигших высочайшего уровня мастерства, занимавших различные видные чиновнические должности в государственной администрации. О их положении в обществе можно судить, например, из надписи в Вади Хаммамат времени XX династии [Gardiner 1938, 162 (№ 15)]⁴³. Фараон Рамсес IV, изучив книги “Дома жизни”, при сооружении своего погребения поручает доставку камня, по видимому, для саркофага своим придворным. В числе этих сановников указываются влиятельные чиновники – “личные друзья Его Величества, начальники и князя Верхнего и Нижнего Египта”, а также и “писцы и мудрецы” “Дома жизни”.

Умения прошедших выучку в “Доме жизни” характеризуются в надписи Птоломеевского времени жреца (*hnmw-ntr*) Падихарпократа (Париж, Лувр, С 232), где содержится его обращение к коллегам: “О все жрецы-*уабы*, вникающие в слово бога, искусные в письме, просвещенные в “Доме жизни” и нашедшие... (пути) богов, вникшие в письмена книгохранилища и раскрывающие тайны образов Ра (священных книг), искусные в трудах предков и отверзающие сердце того, что находится на стене, вырезающие письмена в гробницах и истолковывающие тайны...”⁴⁴

Несмотря на активную включенность писцов “Дома жизни” в деятельность государственной администрации, сам “Дом жизни”

⁴² Жрецы “Дома жизни” характеризуются как мудрецы в поучении Аменнахта Хормину (остракон Британского музея) [Posener 1955, 71].

⁴³ О том, что фараон в важных вопросах советовался с писцами “Дома жизни”, см. также: [Gardiner 1938, №№ 6, 32, 37, 38, 42]. Интересным в этом отношении является факт участия двух писцов “Дома жизни” в заговоре против фараона Рамсеса III, что также свидетельствует о их высоком общественном положении, поскольку это был дворцовый заговор, участники которого были разоблачены и наказаны. См.: [Gardiner 1938, 161 (№ 13)].

⁴⁴ Восхваление жрецов-*уабов* “Дома жизни” [Gardiner 1938, 172 (№ 43)].

остаётся в стороне от политической повседневности, он охраняет культурные основы, на которых стоит Египет. Когда сам фараон желает постичь суть какого-либо явления, вне зависимости от сложившейся ситуации понять, каково оно на самом деле, он обращается в “Дом жизни” и изучает хранящиеся в нём священные книги. Чаще других в источниках в образе фараона, стремящегося к истинному знанию “Дома жизни”, фигурирует Рамсес IV. Считалось, что интерес к мудрости и любознательность могут сделать правление долгим, а деяния властителя праведными. На стеле из Абидоса (ныне хранится в Каире, в Египетском музее; $2,50 \times 1,07 \times 0,38$ м)⁴⁵ в молитве, обращенной к богу Тоту, «обитающему в “Доме жизни”», говорится, что фараон обрел глубокое понимание тайн “Дома жизни” и познал величие бога: “[...] нашел я [...] среди целой Эннеады. Формы твои, о владыка, сокровеннее, чем они [...] во дни то, что сказано, исполняется”⁴⁶.

Возможно, именно благодаря закрытости “Дома жизни” все, что мы узнаем о его деятельности из древнеегипетских источников, происходит за его пределами, а внутри он остаётся “сокровен-сокровен”, как это описано в папирусе Солт 825. Это связано и с его функцией по охране культурной памяти, и с опасностью выхода за его пределы сил, таящихся в его магических книгах, которые в умелых руках мудрецов служат защитой и лекарством, но они же могут принести большое зло, попав к человеку “злонамеренному”⁴⁷. Его магические книги⁴⁸, в отличие от хранившихся в храмовых библиотеках, представляли собой тексты, явленные самими богами. В демотической сказке “Сатни-

---

⁴⁵ Фараон обращается за знаниями о богах и тайнах жизни в “Дом жизни” [Piehl 1884, 37–41; 1885, 13–19].

⁴⁶ Перевод дан по изданию Б. А. Тураева [Тураев 2002, 231].

⁴⁷ Именно поэтому составление, редакция и использование магических книг, из которых “выходит жизнь и смерть”, доверялись только «писцу образов, имя которого сообщено “Дому жизни”» (см.: [Тураев 1917, 6]) и тем, чьи имена занесены в списки “Дома жизни” (см.: [Gardiner 1938, 175 (№ 57)]).

⁴⁸ В папирусе Солт 825 (XIII, XIV) перечисляются книги с такими названиями: “Великая силой (в бурю) при ужасе”, “Повергающая врага жизни”, “Предающая врага пламени”, “Низвергающая стремглав”, “Попаляющая врагов”, “Древняя”, “Книга великая”. См.: [Тураев 1917, 10].

Хемуас и мумии” (записанной в 233 г. до н. э.) рассказывается о том, какую кару понесет человек, если похитит “священную книгу, которую написал своею рукою сам бог Тот”. Считалось, что в ней “сокрыты все тайны жизни и смерти, в ней сокрыты могущественные заклинания, и если ты их узнаешь, ты станешь сам подобен богам”⁴⁹ – так говорит о ней жрец Исиды из Коптоса. Поэтому “вхожие” в “Дом жизни” свято хранили его тайны.

Результатами творческой и редакторской деятельности “Домов жизни” стали и сборники магических заклинаний, и сонники, а также медицинские тексты (рецептурные справочники), астрономические книги, разные “редакции” священных текстов с глоссами, давшие основу дальнейшего развития иллюстративной традиции в заупокойной литературе. Здесь же составлялась титулатура царей и различные важные для государства надписи. Даже “поучения” и художественная литература, как считает Г. Познер, были не чужды персоналу “Дома жизни”.

В “Домах жизни” кипела бурная творческая и умственная работа, в которой участвовали и жрецы, и специалисты (врачи, маги, астрономы, математики, архитекторы, художники, скульпторы), и рядовой персонал переписчиков, проводились занятия по подготовке высококвалифицированных кадров, влиявших на судьбу древнеегипетской культуры. В “Домах жизни” мы можем видеть центры всесторонней культурной деятельности Древнего Египта, где создавались и сохранялись важнейшие ценности – традиции письменной культуры и художественной мифологии древнеегипетской цивилизации.

Египетский термин “Дом жизни” можно понимать буквально – в нем создавалось и оберегалось все то, что, как верили египтяне, поддерживает жизнь в этом мире и дает возможность загробного существования.

СОКРАЩЕНИЯ

JEA – Journal of Egyptian Archaeology. London.

RdÉ – Revue d'Égyptologie. Paris.

ZÄS – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Berlin.

---

⁴⁹ Цит. по изданию: [Кацнельсон, Мендельсон 2000, 208].

ЛИТЕРАТУРА

Кацнельсон И. С., Мендельсон Ф. Л. Древний Египет: сказания и притчи. Москва, 2000.

Коростовцев М. А. Писцы Древнего Египта. Москва, 1962.

Матъе М. Э. Роль личности художника в искусстве Древнего Египта // **Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.** Т. IV. Ленинград, 1947.

Матъе М. Э. Искусство Древнего Египта. Ленинград – Москва, 1961.

Тураев Б. А. Египтологические заметки VIII–XI // **Известия Императорской Академии Наук.** Петроград, 1916.

Тураев Б. А. Магический папирус Salt 825 Британского музея // **Записки классического отделения Русского археологического общества.** Т. IX. Петроград, 1917.

Тураев Б. А. Бог Тот. Санкт-Петербург, 2002.

Чегодаев М. А. Линейная иероглифика и ее место в древнеегипетской культуре // **Труды Государственного Эрмитажа.** Т. XXXV: Петербургские египтологические чтения 2006. Санкт-Петербург, 2007.

Aldred C. The Development of Ancient Egyptian Art: from 3200 to 1315 B. C. Vol. 1–3. London, 1952.

Derchain Ph. Le Papyrus Salt 825 (B.M. 10051): rituel pour la conservation de la vie en Égypte. Bruxelles, 1964.

Gardiner A. The House of Life // **JEA.** Vol. 24. 1938.

Kaplony P. Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit. 3 Bande. Wiesbaden, 1963–1964.

Lesko L. H. The Egyptian Book of Two Ways. Berkeley – Los Angeles – London, 1972.

Nordh K. Aspects of Ancient Egyptian Curses and Blessings. Conceptual Background and Transmission. Uppsala, 1996.

Piehl K. Stèle de l'époque de Ramsès IV, conservée au Musée de Boulaq // **ZÄS.** Bd. 22, 1884; Bd. 23, 1885.

Posener G. L'exorde de l'instruction educative d'Amennakhte // **RdÉ.** Vol.10. 1955.

Sauneron S. Les prêtres de l'ancienne Égypte. Paris, 1957.

Vergote J. Joseph en Égypte. Louvain, 1959.

Volten A. Demotische Traumdeutung. Kopenhagen, 1942.

REFERENCES

- Katsnel'son I. S., Mendel'son F. L. (2000), *Drevniy Egipt: skazaniya i pritchi*, Forum, Moscow. (In Russian).
- Korostovtsev M. A. (1962), *Pistry Drevnego Egipta*. Izdatel'stvo vostochnoy literatury RAN, Moscow. (In Russian).
- Mathieu M. E. (1947), "Rol' lichnosti khudozhnika v iskusstve Drevnego Egipta", *Trudy Otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha IV*, Leningrad, pp. 5–99. (In Russian).
- Mathieu M. E. (1961), *Iskusstvo Drevnego Egipta*, Iskusstvo, Leningrad and Moscow. (In Russian).
- Turaev B. A. (1916), "Egiptologicheskiye zametki VIII–XI", *Izvestiya Imperatorskoy Akademii Nauk*, Petrograd, pp 5–7. (In Russian).
- Turaev B. A. (1917), "Magicheskiy papirus Salt 825 Britanskogo muzeya", *Zapiski Klassicheskogo Otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva IX*, Petrograd. (In Russian).
- Turaev B. A. (2002), *Bog Thot*, Aletya, Sankt-Petersburg. (In Russian).
- Chegodaev M. A. (2007), "Lineynaya iyeroglifika i yeye mesto v drevneyegipetskoy kul'ture", *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha XXXV: Peterburgskkiye egiptologicheskiye chteniya 2006 Sankt-Petersburg*, pp. 147–58. (In Russian).
- Aldred C. (1952), *The Development of Ancient Egyptian Art: from 3200 to 1315 B. C.* 1–3, Tiranti, London.
- Derchain Ph. (1964), *Le Papyrus Salt 825 (B.M. 10051): rituel pour la conservation de la vie en Égypte*, Palais des academies, Bruxelles.
- Gardiner A. (1938), "The House of Life", *JEA* 24, pp. 157–80.
- Kaplony P. (1963–1964), *Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit* 1–3, Otto Harrassowitz, Wiesbaden.
- Lesko L. H. (1972), *The Egyptian Book of Two Ways*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles and London.
- Nordh K. (1996), *Aspects of Ancient Egyptian Curses and Blessings. Conceptual Background and Transmission*, Uppsala University Press, Uppsala.
- Piehl K. (1884–1885), "Stèle de l'époque de Ramsès IV, conservée au Musée de Boulaq", *ZÄS* 22, pp. 37–41; 23, pp. 13–9.
- Posener G. (1955), "L'exorde de l'instruction éducative d'Amen-nakhte", *RdÉ* 10, pp. 61–72.

Sauneron S. (1957), *Les prêtres de l'ancienne Égypte*, Du Seuil, Paris.

Vergote J. (1959), *Joseph en Egypte*, Publications universitaires, Louvain.

Volten A. (1942), *Demotische Traumdeutung*, Einar Munksgaard, Kopenhagen.

Н. В. Лаврентьева

“ДІМ ЖИТТЯ” ТА САКРАЛЬНА ТРАДИЦІЯ СТАРОДАВНЬОГО ЄГИПТУ

Стаття присвячена обговоренню значення “Дому життя” у Стародавньому Єгипті, що був інститутом-хранителем сакральних знань, які підтримували і розвивали культурну традицію. Незважаючи на те що згадки про нього зустрічаються з часу I династії, всі свідчення уривчасті та не дають можливості скласти повне уявлення ані про його функції, ані про його архітектурні форми. Тільки папірус Солт 825 містить інформацію щодо його персоналу та планування, а також у ньому збереглася віньєтка, яка демонструє його побудову. Коло діяльності цієї установи було досить різноманітним. Тексти пов’язують його з медициною, тут виготовлялися деякі пахощі та мазі, які могли використовуватися і для бальзамування, і як ліки. Але недуги могли бути не суто фізичного характеру, проти деяких хвороб допомагала тільки магія. Ще одним напрямком діяльності “Дому життя” було створення магічної літератури. Його служителі брали участь в одному з найбільш таємних ритуалів – *хєб-седі*. Мистецтво тлумачення снів та астрономічні студії й передбачення також входили до сфери діяльності персоналу “Дому життя”. Не менш важливим родом професійної діяльності “Дому життя” як теологічного інституту була робота зі складання та редакції релігійних текстів (гімнів, “анналів богів”), і зокрема текстів, належних до заупокійної літератури. Незважаючи на активну залученість писців “Дому життя” до діяльності державної адміністрації, сам “Дім життя” залишається осторонь від політичної повсякденності, він охороняє культурні основи, на яких стоїть Єгипет. Можливо, саме завдяки закритості “Дому життя” все, що ми дізнаємося про його діяльність із давньоєгипетських джерел, походить з-поза його меж, а всередині він залишається “прихованим”, як це описано в папірусі Солт 825. Це пов’язано з його функцією з охорони культурної пам’яті та з небезпекою виходу за його межі сил, що таяться в його магічних книгах.

Ключові слова: Стародавній Єгипет, сакральна традиція, міфотеологія, “Дім життя”

Н. В. Лаврентьева
“ДОМ ЖИЗНИ” И САКРАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ
ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Статья посвящена обсуждению значения “Дома жизни” в Древнем Египте, являвшегося институтом-хранителем сакральных знаний, поддерживавшим и развивавшим культурную традицию. Несмотря на то что упоминания о нем встречаются начиная с I династии, все свидетельства отрывочны и не дают возможности составить полное представление ни о его функциях, ни о его архитектурных формах. Только папирус Солт 825 содержит информацию о его персонале и планировке, а также в нем сохранилась виньетка, демонстрирующая его устройство. Круг деятельности этого учреждения был достаточно разнообразен. Тексты связывают его с медициной, там же изготавливались некоторые благовония и умашения, которые могли использоваться и для бальзамирования, и в качестве лекарств. Но недуги могли быть не чисто физического свойства, против некоторых болезней помогала только магия. Еще одним направлением деятельности “Дома жизни” было создание магической литературы. Его служители принимали участие в одном из наиболее сокрытых ритуалов – *хеб-седе*. Искусство толкования снов и астрономические штудии и предсказания также входили в сферу деятельности персонала “Дома жизни”. Не менее важным родом профессиональной деятельности “Дома жизни” как теологического института была работа по составлению и редакции религиозных текстов (гимны, “анналы богов”), и в том числе текстов, относящихся к заупокойной литературе. Несмотря на активную включенность писцов “Дома жизни” в деятельность государственной администрации, сам “Дом жизни” остается в стороне от политической повседневности, он охраняет культурные основы, на которых стоит Египет. Возможно, именно благодаря закрытости “Дома жизни” все, что мы узнаем о его деятельности из древнеегипетских источников, происходит за его пределами, а внутри он остается “сокровен-сокровен”, как это описано в папирусе Солт 825. Это связано и с его функцией по охране культурной памяти, и с опасностью выхода за его пределы сил, таящихся в его магических книгах.

Ключевые слова: Древний Египет, сакральная традиция, мифотеология, “Дом жизни”

Статья надійшла до редакції 12.12.2016